
И. В. ФЕДОРОВА

**Варвара Павловна Адрианова-Перетц как
исследователь древнерусских «хождений»
(К 40-летию со дня смерти)**

Научное наследие Варвары Павловны Адриановой-Перетц (12.05.1888—06.06.1972) богато и разнообразно, поэтому уже не раз предпринимались попытки осмыслить его место в отечественной науке XX столетия: о Варваре Павловне писали как о текстологе и о теоретике литературы, отмечался ее вклад в фольклористику и в изучение истории театра и литературного процесса XII—XVIII вв.¹ Среди таких обзоров и воспоминаний тема «В. П. Адрианова-Перетц и отечественное палестиноведение» затрагивалась лишь мимоходом, ограничиваясь перечислением памятников жанра «хождений»,² которым исследовательница либо дала новую жизнь в науке (например, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина),³ либо впервые осуществила исследование литературной истории («Хождение» Арсения Солунского, «Хождение» Даниила Корсунского).⁴ Однако начало творческого пути Варвары Павловны было тесно связано с изучением этого жанра. Напомним, что в Киевский университет В. П. Адрианова была приглашена для изучения древнерусской паломнической литературы⁵ и написания диссертации, посвя-

¹ Назовем некоторые из таких работ: *Дмитриев Л. А.* «Слово о полку Игореве» в трудах В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 6—11; *Коновалова О. Ф.* В. П. Адрианова-Перетц как исследователь поэтического стиля древнерусской литературы // Там же. С. 22—25; *Дмитриева Р. П.* Значение исследований В. П. Адриановой-Перетц, посвященных «Задонщине» // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 39—43; *Дробленкова Н. Ф.* В. П. Адрианова-Перетц о средневековых «энциклопедических» сборниках и поэтике // Там же. С. 34—38.

² См., например: *Лихачев Д. С.* История древней русской литературы в трудах В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 6. В современных научно-биографических очерках эта страница научной жизни В. П. Адриановой-Перетц вообще не отражена (см.: *Волков А. А.* Адрианова-Перетц Варвара Павловна // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 324; Адрианова-Перетц Варвара Павловна // Пушкинский Дом : Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 393).

³ Вклад В. П. Адриановой-Перетц в исследование и издание этого памятника в полной мере оценен научным сообществом (об этом см.: *Лурье Я. С.* Литература XV—XVI вв. в трудах В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 12—15), поэтому обращаться к нему мы не будем. К тому же к традиции паломнической литературы «Хождение за три моря» Афанасия Никитина не принадлежит: по определению самого автора произведения, это «грешное» хождение, или «анти-хождение» — по оценке исследователей.

⁴ См., к примеру: *Еремин И. П.* Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 23, 28.

⁵ Об этом Варвара Павловна сама писала в одном из отчетов, см.: *Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н.* Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в С.-Петербурге. 23 февраля—3 марта 1913 года. Киев, 1913. С. 45; Отчет В. П. Адриановой о подготовке

щенной литературной истории «Хождения» игумена Даниила.⁶ Отчеты Семинария В. Н. Перетца, активным участником которого с 1907 г. была Варвара Павловна, свидетельствуют, сколь насыщенно и продуктивно она работала в то время над темой, разыскивая новые списки паломнических рассказов, изучая, описывая и публикуя их.

Во время работы Семинария В. Н. Перетца в Петербурге (1913) В. П. Адрианова-Перетц в Погодинском древлехранилище Публичной библиотеки обратила внимание на объемную рукопись второй половины XVIII в., «содержащую доселе нигде не изданный памятник русской паломнической литературы начала XVIII в.».⁷ Вероятно, В. П. имела в виду рукопись из собрания М. П. Погодина, № 1542, в которой читается описание паломничества в Святую землю под названием «Странствование по святым местам монаха (уроженца калужского) в начале XVIII в., им самим описанное». Этот текст представляет собой «Хождение» Иоанна Лукьянова — памятник петровского времени.⁸ Очевидно, исследовательница не опознала его из-за отсутствия первых листов рукописи, вследствие чего текст «Хождения» начинается описанием Калуги, посещенной паломником по пути в Иерусалим, а не Москвы, как в других списках. Не «узнал» в тексте погодинской рукописи «Хождение» Иоанна Лукьянова и А. Бычков,⁹ не учтен он и среди списков этого памятника, указанных Г. Милорадовичем.¹⁰ Впервые к изучению литературной истории «Хождения» Иоанна Лукьянова (список РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1542) привлекла Н. В. Поньрко.¹¹ Вместе с тем оценка, данная этому сочинению В. П. Адриановой-Перетц, не утратила актуальности и в наши дни: «Хотя данное произведение обнаруживает слабую связь с предшествующей литературной традицией, однако заслуживает внимания как материал для знакомства с палестинской легендой».¹² Одну из таких палестинских легенд исследовательница особо отметила: «Между прочим, со слов проводников автор приводит сказание о чуде со св. огнем у Гроба Господня»,¹³ — и указала

к магистерскому экзамену // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1913 год, составленный Н. А. Котляревским. СПб., 1913. С. 38; *Дробленкова Н. Ф.* Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 8—10, 12—14.

⁶ Занятия В. П. Адриановой // Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Петрограде 30 января—7 февраля 1915 года. Киев, 1915. С. 19.

⁷ Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в С.-Петербург. 23 февраля—3 марта 1913 года. С. 45.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц ошибалась, считая, что памятник не издан. Впервые Хождение Иоанна Лукьянова было опубликовано в 1863 г., см.: Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Вып. 1. Стб. 21—64; Вып. 2. Стб. 113—159; Вып. 3. Стб. 223—264; Вып. 4. Стб. 305—344; Вып. 5. Стб. 385—416.

⁹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1852 год. СПб., 1853. С. 34.

¹⁰ См.: *Милорадович Г.* Еще о Лукьянове // Русский архив. 1864. № 7—8. Стб. 871—872.

¹¹ *Поньрко Н. В.* Сочинение старца Леонтия и школа протопопо Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 157. Этот погодинский список привлечен для воссоздания литературной истории произведения в новейшем исследовании и публикации памятника (см.: Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701—1703 / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М., 2008. С. 494—495). По наблюдениям исследователей, список содержит Первую редакцию памятника (см.: Там же).

¹² Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в С.-Петербург. 23 февраля—3 марта 1913 года. С. 46.

¹³ Там же.

на существование этого предания в греческой традиции.¹⁴ Варвара Павловна в подробном описании паломничества Иоанна Лукьянова точно выделила уникальный для паломнической традиции легендарный сюжет: Иоанн Лукьянов среди наших паломников был первым, записавшим чудо схождения света небесного через храмовую колонну Гроба Господня.¹⁵ Заметим, что вслед за ним эту палестинскую легенду передают не только паломники петровского времени, но и богомольцы последующего столетия. Что касается общей оценки содержания памятника, то и здесь исследовательница была права: именно «Хождение» Иоанна Лукьянова может считаться тем переломным моментом в истории русской паломнической литературы, когда памятник, генетически связанный с предшествующей традицией, отразил в полной мере те изменения, которые претерпевала литература петровского периода и которые были усвоены дальнейшей традицией паломнических описаний. Именно «Хождение» Иоанна Лукьянова положило начало формированию корпуса описаний паломничеств в Святую землю, появившихся в восточнославянской литературе с 1704 по 1749 г.: это путешествия иеромонахов Макария и Селиверста, Андрея Игнатьева и его брата Стефана, Ипполита Вишенского, иеромонаха Варлаама и инока Серапиона — авторов, с легкой руки архим. Леонида (Кавелина) получивших в истории литературы наименование «паломников-писателей петровского и послепетровского времени».¹⁶

Научная интуиция Варвары Павловны сказалась и в выборе ею для публикации в 1915 г. рассказа Софрония о лавре Святого Саввы¹⁷ — монастыре, издревле входившем в паломническую программу осмотра палестинских обителей. Исследовательница, правда, полагала, что это «Сказание» 1547 г. не известно науке, тогда как текст его в 1891 г. был опубликован архимандритом Леонидом по рукописи XVII в.¹⁸ Варвара Павловна ввела в науку еще один список этого до сих пор малоизвестного произведения — БАН, собр. Ф. М. Плюшкина, № 53 (XVIII в.).

Археографические занятия В. П. Адриановой в семинаре В. Н. Перетца обогатили отечественное палестиноведение и новым списком «Хождения в Иерусалим» иеромонаха Варлаама Леницкого (собрание Институтской библиотеки в Нежине, № 10/2437), также до того известного в единственном списке.¹⁹ Благодаря этой находке стало известно не только имя, но и фамилия паломника, а также установлено его южнорусское происхождение: «послушника святой чудотворной лавры Киево-Печерской».²⁰

¹⁴ Там же. Примеч. 1.

¹⁵ У некоторых современных исследователей оно именуется чудом явления Благодатного Огня православным, изгнанным из храма, или легендой о «Кривой Пасхе» 1634 г. (см.: Кузнецов П. В., Панченко К. А. «Кривые Пасхи» и Благодатный Огонь в исторической ретроспективе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2006. № 4. С. 15—16).

¹⁶ Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим. М., 1874.

¹⁷ Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Петроград 30 января—7 февраля 1915 года. С. 21—23.

¹⁸ Леонид, архим. Сказание о Иерусалимской лавре Св. Саввы Освященного 1547 года // Сообщения Православного Палестинского общества. СПб., 1891. Т. 1 за 1886—1887 г. (май 1886 г.).

¹⁹ Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели петровского и послепетровского времени. С. II—III.

²⁰ Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Нежин 18—20 февраля 1914 года. Киев, 1914. С. 49.

В 1914 г. Варвара Павловна приняла участие в издании книги своего наставника В. Н. Перетца «Из лекций по методологии истории русской литературы : История изучения. Методы. Источники».²¹ Для раздела «Библиография» ею был составлен библиографический обзор памятников жанра «хождений» XII—начала XVIII в.²² Продолжая практику такого рода библиографических обзоров, сложившуюся в XIX в. в работах С. И. Пономарева, А. Н. Пыпина, В. Н. Хитрово, В. П. учла новейшую для своего времени литературу, куда помимо исследований, посвященных традиционным «хождениям» в Святую землю, включила рассказы древнерусских путешественников, посетивших Индию, а также описания Турецкой империи. Таким образом, исследовательница не только систематизировала библиографию о паломничествах и путешествиях разного времени, но и представила их как корпус произведений, рассматриваемый современным литературоведением как «литература путешествий».²³

В 1913 г. Варвара Павловна опубликовала исследование литературной истории «Хождения» Арсения Солунского,²⁴ до этого известного по публикации И. Сахарова, осуществленной по случайному списку из собрания Н. П. Румянцева.²⁵ Исследование памятника Варварой Павловной отразило научную методику работы с текстами, освоенную ею в семинаре В. Н. Перетца: это целостный анализ произведения, в ходе которого реконструируется литературная история текста, решаются вопросы атрибуции и времени его создания, анализируется поэтика. Особое внимание В. П. уделила поискам рукописных списков изучаемого памятника и учла «даже самые поздние по времени, на первый взгляд мало интересные <...>». В результате В. П. Адриановой-Перетц удалось наглядно показать, какая подчас сложная судьба выпадала на долю некоторых литературных произведений Древней Руси в течение их многовековой истории».²⁶ Однако В. П. не ограничилась изучением литературной истории «Хождения» Арсения Солунского, а представила его в контексте одножанровых произведений разного времени и происхождения, что позволило ей не только продемонстрировать в памятнике традиционные для жанра черты, но и подчеркнуть уникальность его содержания для восточнославянской паломнической литературы. В этом исследовании В. П. не только

²¹ Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы : История изучения. Методы. Источники / Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914.

²² Там же. С. 443—447. Этот библиографический опыт В. П. получил дальнейшее развитие. Напомним, совместно с В. Ф. Покровской ею был составлен библиографический обзор изданий, посвященных русской повести: Адрианова-Перетц В. П., Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940. Позднее она редактировала библиографию, составленную Н. Ф. Дробленковой, см.: Дробленкова Н. Ф. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР / Ред. В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев. Л., 1978. Ч. 1: (1958—1962); Л., 1979. Ч. 2: (1963—1967 гг.).

²³ Гуминский В. М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. С. 314—315.

²⁴ Адрианова В. П. Хождение Арсения Селунского : (Из филологического Семинария проф. В. Н. Перетца). СПб., 1913.

²⁵ Сахаров И. Путешествие Арсения Селунского // Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2, кн. 8. (Путешествия русских людей). С. 75—76. И. Сахаров писал, что использованный им список — копия рукописи из Софийского собрания, № 329 (РНБ) (Там же. С. 74).

²⁶ Еремин И. П. Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. С. 21.

реализовала навыки, полученные в Семинарии В. Н. Перетца, — в нем был аккумулирован опыт отечественного палестиноведения XIX—начала XX в., а также продолжена традиция критических изданий паломнических описаний «Императорского Православного Палестинского сборника».

Изучив десять списков «Хождения» Арсения Солунского XVI—XVII вв., Варвара Павловна распределила их по трем редакциям. Первую редакцию (в обозначении В. П. — Софийскую) передают списки РНБ, Софийское собр., № 1464 и № 1465 (XVI в.) (далее — Соф. 1464 и Соф. 1465), РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1572 и № 1944 (XVII в.). Наблюдения над списками привело исследовательницу к выводу о том, что «Софийские тексты дают более исправное чтение». Список из рукописи собрания М. П. Погодина, № 1944 оказался интересным своим окончанием, отсутствующим в остальных списках памятника, в нем В. П. увидела отражение архетипных чтений. В исследовательской лаборатории Варвары Павловны этот список стал «нитью Ариадны», позволившей установить «несомненную зависимость между обеими редакциями (Первой и Второй. — *И. Ф.*), которую нельзя рассматривать как совершенно обособившиеся ветви памятника».²⁷ При этом текст архетипа Второй (Погодинской) редакции (списки РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1570 и № 1615, XVII в.) В. П. находила более близким к оригиналу, нежели текст Софийской редакции, так как чудо Богородицы в Вифлееме и чудо у гроба св. Пелагеи, «характеризующие Погодинскую редакцию, не могли быть позднейшей вставкой: на них лежит яркий отпечаток местной легенды, записанной самим паломником».²⁸ Третью (Южнорусскую) редакцию сохранил фрагментарный список — рукопись Церковно-Археологического музея Киевской духовной академии, № 334/37 (XVII в.).²⁹ Его обособление в особую ветвь рукописной традиции памятника В. П. мотивировала тем, что этот список «утратил имя автора хождения, в отдельных чтениях отступает от обеих великорусских редакций»,³⁰ но при этом обнаруживает близость к Погодинской редакции, так как содержит оба чуда, отсутствующие в тексте Софийской редакции.³¹ Обобщая наблюдения над списками, исследовательница высказала предположение об архетипном тексте «Хождения»: «Оригинал памятника содержал все эпизоды Погодинской редакции и в конце описание дома Давидова, сохранившееся наиболее полно в сп[иске] Е³² Софийской редакции. Было ли в нем заглавие, решить трудно: показания списков расходятся. Язык оригинала на русской почве был церковно-славянский».³³ Исследование известных В. П. списков позволило представить литературную историю «Хождения» в течение XVI—XVII вв. как постепенную утрату некоторых эпизодов и приобретение языком местной окраски, а также высказать предположение о существовании промежуточных звеньев, «сближавших намеченные редакции». Таким образом, проведенное текстологическое изучение десяти списков «Хождения»

²⁷ Адрианова В. П. Хождение Арсения Солунского. С. 7.

²⁸ Там же.

²⁹ По сведениям К. Зеemannа, современное место хранения рукописи — Библиотека АН Украины (*Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur : (Theorie und Geschichte der Literaturen und der schönen Künste)*. München, 1976. S. 451. № 20).

³⁰ Адрианова В. П. Хождение Арсения Солунского. С. 8.

³¹ Там же.

³² Имеется в виду список РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1944 (см.: Там же. С. 5, № 6).

³³ Там же. С. 8.

дало возможность В. П. Адриановой-Перетц говорить о распространении произведения не только в Московском царстве, но и в Малороссии.³⁴ Еще одним результатом исследования литературной истории произведения стала публикация текстов выявленных редакций памятника. Первая редакция Хождения была опубликована по списку РНБ, Софийское собр., № 1464 (XVI в.) с вариантами по спискам РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1572 и № 1944 (XVII в.). Вторая редакция воспроизведена по списку XVII в. РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1570, разночтения подведены по списку РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1615 (1632 г.). Третья редакция передана по списку из собрания Церковно-Археологического музея Киевской духовной академии. Подчеркнем, что предпринятое В. П. научное издание текста «Хождения» Арсения Солунского и в наши дни остается единственным критическим изданием памятника³⁵ и, как было отмечено специалистами, представляет «хорошую основу для новых изысканий».³⁶

Классификация списков «Хождения» Арсения Солунского, предложенная В. П., также не утратила своей актуальности.³⁷ Ее объективность была подтверждена уже в ходе исследования: во время публикации статьи Варварой Павловной были найдены три новых списка памятника, укладывающиеся в предложенную схему литературного развития его текста. Об этом же говорил в своем отзыве на работу В. П. Адриановой-Перетц И. А. Шляпкин, добавивший к ранее привлеченным спискам еще семь:³⁸ его находки подтвердили литературную историю текста, воссозданную В. П.³⁹ Согласился рецензент и с

³⁴ Там же.

³⁵ Все последующие публикации текста памятника до сих пор осуществляются по одному из списков произведения, которому отдает предпочтение издатель. См. публикацию И. А. Шляпкиным списка из собрания Великоустюжского собора, № 7, изданного «ввиду отдаленности места хранения» рукописи (*Шляпкин И. А. Хождение Арсения Селунского: Заметки к статье В. П. Адриановой // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 19, кн. 1. С. 2, 4—6*). Новейшее издание текстов Первой и Второй редакций «Хождения» Арсения Солунского по спискам РНБ, Софийское собр., № 1465 и собр. М. П. Погодина, № 1572 выполнено О. Л. Новиковой (*Новикова О. Л. Формирование и рукописная традиция «Флорентийского цикла» // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2010. Вып. 14. С. 168—170, 182—183*). Публикация текста памятника осуществлена ею в рамках исследования так называемого «Флорентийского цикла». Если И. А. Шляпкин и О. Л. Новикова не ставили своей непосредственной задачей изучение литературной истории Хождения и осуществление его критического издания, то в работах болгарских исследователей, посвященных изучению паломнической литературы, и в частности «Хождения» Арсения Солунского, текст памятника также издан по одному списку — Соф. 1464, в свое время воспроизведенному В. П. Адриановой-Перетц (см., к примеру: *Гюрова С., Данава Н. Книга за българските хаджии. София, 1985. С. 339—341*).

³⁶ *Ангелов Б. С. «Хождения» в южнославянских литературах до XVIII в. : (К постановке вопроса) // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 184.*

³⁷ См., например: *Башлыкова М. Е., Турилов А. А. Арсений Солунский // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 441*. В работах современных исследователей, придерживающихся этой классификации, в основном уточняются взаимоотношения списков памятника; см. статью О. Л. Новиковой, показавшей, что не Соф. 1465 списан с Соф. 1464, как то, следуя сложившейся традиции исследования кодексов (Ф. Смирнов, А. А. Шахматов), считала В. П. Адрианова, а, напротив, Соф. 1464 вторичен по отношению к Соф. 1465 (см.: *Новикова О. Л. Формирование и рукописная традиция «Флорентийского цикла» во второй половине XV—первой половине XVII в. С. 6—8, 19, примеч. 44*).

³⁸ *Шляпкин И. А. Хождение Арсения Селунского С. 1—2.*

³⁹ Предложенную В. П. классификацию списков принимает и современная наука, располагающая не менее чем 20 списками произведения (см.: *Башлыкова М. Е., Турилов А. А. Арсений Солунский. С. 441*).

мнением исследовательницы о сложности определения времени путешествия и решения вопроса о происхождении автора.⁴⁰

Варвара Павловна высказала свой взгляд на этот предмет, однако не считала его окончательным решением проблемы. Опираясь на слова повествователя, назвавшего себя «рабом Божиим Арсением, смиренным диаконом Селуня града», исследовательница допустила, что он мог быть либо греком, либо болгариним. И. А. Шляпкин предполагал «греческое происхождение подлинника».⁴¹ Благодаря статье В. П. Адриановой-Перетц этот аспект изучения «Хождения» вызвал живой интерес среди исследователей того времени. Так, А. В. Марков высказал предположение, что Селунь — это не Салоники, а Селук, один из «литовских городов старого времени», местоположение которого определяется озером Вселуг.⁴² С. П. Обнорский, найдя в тексте памятника ряд болгаризмов, считал, что Арсений — болгарин.⁴³ Интересное решение вопроса предложил А. И. Соболевский, который не видел в тексте «Хождения» признаков перевода ни с греческого, ни с другого языка. По мнению исследователя, «в нем также нет несомненных следов южнославянского оригинала».⁴⁴ Ученый считал, что Арсений был греком, родом из Салоник, который прожил в Иерусалиме 17 лет и прибыл в Москву в составе монастырского посольства для сбора милостыни. В Москве (или Новгороде) при допросе он рассказал о святых местах, и его рассказ, переданный переводчиком по-русски, был записан дьяком или подьячим.⁴⁵ В современной историографии происхождение Арсения Солунского связывается с Болгарией.⁴⁶

Установить время паломничества — еще более сложная задача, так как в памятнике не содержится «никаких исторических указаний, которые помогли бы приурочить путешествие к определенному времени».⁴⁷ Датировку памятника XIV столетием, предложенную А. И. Платоновым, В. П. не рассматривала, так как ученый ее не обосновал.⁴⁸ Сама исследовательница

⁴⁰ Шляпкин И. А. Хождение Арсения Селунского. С. 3.

⁴¹ Там же. С. 3.

⁴² Марков А. В. О родине паломника Арсения Селунского // РФВ. 1914. № 2. С. 558—559.

⁴³ Обнорский С. П. К литературной истории «Хождения» Арсения Селунского // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 119, кн. 3. С. 192—205.

⁴⁴ Соболевский А. И. Два слова о «Хождении» Арсения Селунского // ИОРЯС. Пг., 1915. Т. 20, кн. 1. С. 289.

⁴⁵ Там же. С. 290. Вероятность выдвинутой А. И. Соболевским гипотезы поддерживается русской средневековой книжностью, в которой находим такие тексты, записанные в Посольском приказе и именуемые в ряде списков «скасками». См., например, «Скаску Новоспасского монастыря келаря греченина Иоанникия про монастыри, имеющиеся в Цареграде, Иерусалиме и во всей греческой области», содержащую перечень православных греческих монастырей Константинополя, Иерусалима, Антиохии, Синайской и Афонской гор. Существует предположение, что эта «Скаска» записана в переводе с греческого языка в Посольском приказе в первой трети XVII в. (подробнее об этом см.: Белоброва О. А. Иоанникий Грек // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 2. С. 76—78).

⁴⁶ Дуйчев И. С. Географски описания в средновековната българска книжнина : Към историята на българската наука // Сборник в чест на академик Н. В. Михов. София, 1959. С. 169; Гюрова С. Поклонничество и поклонническа литература. София, 1996. С. 199—211; Velinova V. Описание Иерусалима и святых мест в средневековой литературе южных славян — функциональные и типологические аспекты // Jews and slavs. Jerusalem; Sofia, 2008. Vol. 20: (The Holy Land and the manuscript legacy of slavs). P. 111.

⁴⁷ Адрианова В. П. Хождение Арсения Селунского. С. 9—10.

⁴⁸ Там же. С. 9—10; Платонов А. И. Древнерусские паломники из духовенства и мирян // Сообщение Императорского Православного Палестинского общества. СПб., 1906. С. 521—

склонна была датировать памятник XVI столетием — временем, которому принадлежали ранние из известных ей списков произведения. Уже после выхода в свет исследования В. П. Адриановой-Перетц И. А. Шляпкин обнаружил список из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, № 192, 1815), датируемый XV в., что позволило ему связать появление Хождения на Руси с этим столетием. Опираясь на эту находку, А. И. Соболевский также склонен был датировать появление рассказа Арсения на Руси XV веком.⁴⁹ В настоящее время можно указать еще несколько списков XV в. «Хождения» Арсения Солунского, подтверждающих его бытование в этом столетии. Это сборник ГИМ, Музейское собр., № 2952, передающий полнотекстовую версию «Хождения»,⁵⁰ и фрагменты памятника, читающиеся на полях и вклеенных листочках в сборнике конца XV в. (РГБ, ф. 205, собр. ОИДР, № 189) как дополнения к тексту «Хождения» игумена Даниила. С «Хождением» Арсения Солунского эти фрагменты были отождествлены относительно недавно болгарской исследовательницей С. Гуровой,⁵¹ хотя сама рукопись известна в науке еще со времен А. С. Норова.⁵²

Еще один фрагмент «Хождения» Арсения Солунского под названием «Ис Странника» обнаружен нами в сборнике конца XV в. (РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 36/41), принадлежавшем Тимофею Вениаминову.⁵³ В рукописи на обороте л. 239 из «Хождения» Арсения Солунского выписано чудо Богородицы в Вифлееме. Легенду, приведенную Арсением, В. П. Адрианова-Перетц считала уникальной не только для восточнославянской, но и для греческой традиции и видела в ней отражение местного предания, которое автор-паломник «с полным доверием заносил в свое повествование».⁵⁴ Легендарный аспект содержания «Хождения» исследовательница отметила особо, посвятив его анализу значительную часть статьи.⁵⁵ Этот материал позволил определить место памятника среди других произведений паломнической

547. Современная болгарская исследовательница Вася Виленова также склонна датировать памятник XIV столетием: *Velinova V.* Описание Иерусалима и святых мест в средневековой литературе южных славян... Р. 111.

⁴⁹ *Соболевский А. И.* Два слова о «Хождении» Арсения Селунского. С. 290. Также XV в. датировали памятник А. В. Марков и С. П. Обнорский.

⁵⁰ *Башлыкова М. Е., Турилов А. А.* Арсений Солунский. С. 441.

⁵¹ *Гурова С.* Разказът на Солунския дякон Арсений в контекста на гръцката и руката поклонническа проза през XIV—XVII век : Текстологично проучване // *Palaeobulgarica*. 1991. Вып. 15. С. 106—107. Палеографическое описание сборника и реконструкцию истории появления вклеек в тексте Хождения игумена Даниила см.: *Кобяк Н. А.* Список «Хождения игумена Даниила» конца XV в. с рукописными дополнениями // *Очерки феодальной России*. М., 2003. Вып. 7. С. 64—65. Как показала Н. А. Кобяк, фрагменты текста передают Вторую (Погодинскую) редакцию «Хождения» Арсения Солунского.

⁵² Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века (1113—1115) / Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864. С. 79, примеч. *ф.* См. также: *Шляпкин И. А.* Хождение Арсения Селунского. С. 3.

⁵³ Писцу Тимофею Вениаминову сборник атрибутировал Б. Л. Фонкич (*Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. : (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 30—32).

⁵⁴ *Адрианова В. П.* Хождение Арсения Селунского. С. 21. Мнение В. П. Адриановой-Перетц разделил И. А. Шляпкин (*Шляпкин И. А.* Хождение Арсения Селунского. С. 3—4).

⁵⁵ Интерес В. П. к изучению апокрифической литературы отмечался в науке; см., к примеру, об этом в тексте «Приветствия чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц от участников сборника», посвященного 70-летию исследовательницы (ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 5).

литературы. Для сопоставительного анализа были привлечены греческие, латинские и славянские проскинитарии, итинерарии и «хождения». Обращение к такому широкому материалу, различному по своему происхождению и времени, В. П. объяснила тем, что все тексты «находятся между собой в связи благодаря рассказам „вожей“, с одной стороны, и пользованию общими письменными путеводителями, помогавшими при обозрении святынь, с другой».⁵⁶ Примененный метод исследования оправдал себя полностью, так как исследовательница не только продемонстрировала уникальность легендарного материала, зафиксированного в памятнике, но и показала его типологическую близость с одножанровыми произведениями. Для отечественного палестиноведения такой метод исследования не был абсолютно новым: его использовал А. С. Норов, комментируя содержание «Хождения» игумена Даниила, а также М. А. Голубцова в исследовании, посвященном русскому переводу проскинитария «Поклонение святого града Иерусалима».⁵⁷ Однако С. П. Обнорский считал, что анализ такого материала должен быть более глубоким, так как «В. П. Адрианова дает лишь механическое сопоставление их с данными других паломников».⁵⁸ При этом ученый не пояснил, каким именно, на его взгляд, должен быть такой сравнительно-сопоставительный анализ. Необоснованность высказанного упрека доказало время: спустя 80 лет в трудах болгарской исследовательницы С. Гюровой компаративистское изучение «Хождения» Арсения Солунского было успешно продолжено.⁵⁹ Работа современной исследовательницы подтвердила вывод, сделанный В. П. еще в 1913 г.: «При сопоставлении с другими произведениями паломнической литературы Хождение Арсения Селунского оставляет впечатление самостоятельного памятника, особенно ценного для ознакомления с живой палестинской легендой».⁶⁰ Изучение палестинской легенды в паломнических текстах В. П. продуктивно продолжила и в последующих работах.

В 1915 г. В. П. Адрианова опубликовала рецензию на изданное Императорским Православным Палестинским обществом Путешествие Ипполита Вишенского.⁶¹ Издание памятника и палеографическое описание сохранившей его рукописи В. П. нашла удачным, «выполненным в общем с большой тщательностью», хотя и отметила допущенные его публикатором С. П. Розановым погрешности в передаче орфографии списка.⁶² Оценила В. П. и то внимание, с которым издатель изучил содержание произведения, что позволило ему «извлечь весь заключающийся в нем материал для биографии паломника, личность которого охарактеризована, насколько позволяли имеющиеся в хождении скудные сведения».⁶³ Но основной вывод С. П. Розанова, провозгласившего Ипполита Вишенского «первым представителем новой фазы

⁵⁶ Адрианова В. П. Хождение Арсения Селунского. С. 12.

⁵⁷ Голубцова М. А. К вопросу об источниках древнерусских хождений во Св. Землю. «Поклонение св. града Иерусалима» 1531 г. М., 1911. С. 28—32.

⁵⁸ Обнорский С. П. К литературной истории «Хождения» Арсения Селунского. С. 204.

⁵⁹ Гюрова С. Разказът на Солунския дякон Арсений... С. 96—108.

⁶⁰ Адрианова В. П. Хождение Арсения Селунского. С. 21.

⁶¹ Адрианова В. П. Пелгримация Ипполита Вишенского в новом издании Православного Палестинского общества. Пг., 1915.

⁶² Там же. С. 5.

⁶³ Там же. С. 33.

в истории русской паломнической литературы»,⁶⁴ рецензент не разделила. Главной ошибкой С. П. Розанова Варвара Павловна считала использованный метод исследования:⁶⁵ «Г. Розанов, говоря о русской паломнической литературе, рассматривает ее во всем объеме, как целое, отдельные части которого составляют непрерывную цепь, и ставит своей задачей проследить на примере Ип. Вишенского, как изменился тип русского паломника писателя к началу XVIII в.»⁶⁶ Содержание Путешествия Ипполита Вишенского С. П. Розанов сравнивал с памятниками, известными в южнорусских списках — «Хождением» игумена Даниила (XII в.) и «Хождением» Трифона Коробейникова (XVI в.),⁶⁷ а также с произведениями великорусской книжности: «Хождением» Василия Гагары (XVII в.), «Хождением» Ионы Маленького (XVII в.), «Проскинитарием» Арсения Суханова и сочинениями паломников последующей эпохи — «петровского времени», а также с более ранними памятниками восточнославянской письменности.⁶⁸ Учитывая юго-западное происхождение автора Путешествия, о котором сообщено в тексте произведения («Ипполит Вишенский, иеромонах Борисо-Глебскаго монастыря, кафедры Черниговской архиепископии»),⁶⁹ Варвара Павловна считала, что и содержание памятника нужно оценивать «не в ряду русских паломников-писателей вообще, а лишь в составе южнорусской группы»,⁷⁰ так как развитие паломнической литературы в Московской и Юго-Западной Руси «имело свою особую историю».⁷¹ Вопрос, поднятый В. П., не только крайне важен для оценки исследования С. П. Розановым Путешествия Ипполита Вишенского, но и актуален для современного изучения восточнославянской паломнической литературы. Вместе с тем тезис, выдвинутый В. П., на наш взгляд, не бесспорен. Ни Розанов, ни сама В. П. Адрианова-Перетц не нашли в тексте Путешествия Ипполита Вишенского текстологически доказуемого случая использования паломником какого-либо «хождения» Московской или Юго-Западной Руси или знакомства с ними. Добавим, что названные В. П. источники для сравнения — «Описание Иерусалима» Христиана Адрихома, галицко-русский «Путник о святом граде Иерусалиме» и «Топография Палестины» Ансельма Поляка — не обнаруживают ничего общего с описанием Ипполита Вишенского ни в манере изложения, ни в структуре и типе повествования, ни в подборе и передаче легендарного и апокрифического материала. Из этих произведений только некоторое сходство с Путешествием Ипполита Вишенского обнаруживает только «Топография Палестины» Ансельма Поляка, но различия текстов настолько значительны, что, скорее, свидетельствуют о том, что Ипполит Вишенский не был знаком

⁶⁴ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707—1709 гг.) / Под ред. С. П. Розанова. СПб., 1914. С. 121—168. (ППС. Вып. 61). С. XLII.

⁶⁵ Адрианова В. П. Пелгримация Ипполита Вишенского... С. 9.

⁶⁶ Там же. С. 8.

⁶⁷ Помимо украинских списков «Хождения» Трифона Коробейникова, указанных в издании памятника, предпринятом Х. М. Лопаревым, В. П. Адриановой были обнаружены еще два «сильно украинизированных» списка этого сочинения (см.: Отчет В. П. Адриановой о подготовке к магистерскому экзамену. С. 39).

⁶⁸ Полный перечень памятников, использованных С. П. Розановым для комментирования текста Ипполита Вишенского, см.: Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского... С. LII—LIV.

⁶⁹ Там же. С. 1.

⁷⁰ Адрианова В. П. Пелгримация Ипполита Вишенского... С. 9.

⁷¹ Там же. С. 34.

с описанием Ансельма Поляка, которое бытовало не только в польских изданиях на Украине, но и с XVII столетия известно в переводе на русский язык.⁷²

Расхождения текстов покажем на следующем примере. В паломнические рассказы со времени игумена Даниила включается апокриф об Афонии-жидовине, взявшемся за одр Богоматери при ее погребении. И хотя на Руси хорошо были известны книжные варианты апокрифического сказания об Успении Богородицы,⁷³ в «хождения» оно включалось преимущественно со слов проводников. В «Топографии Палестины» Ансельма Поляка читается уникальная для паломнических текстов версия апокрифа: «...есть мѣсто, идѣже архагтель из Рая преблагословеннѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и Приснодевѣ Марии принесе вѣтвь финикову, да по смерти ея несена будетъ пред одромъ ея, убо на томъ мѣсте преблагословенная Дева Мариа, егда на небо взимашеся, святому апостолу Фомѣ поясъ аермонъ сверже» (РНБ, ОСРК, Q.XVII.147, л. 53 об.—54). Эти подробности погребения Богородицы известны были на Руси по апокрифическому «Слову об успении Божией Матери Иоанна, архиепископа Солунского», получившему с XIV в. широкое распространение благодаря включению в минейные Торжественники и в состав ВМЧ под 15 августа.⁷⁴ В XVII—XVIII столетиях этот апокриф получил распространение, будучи включенным в книгу Иоанникия Галятковского «Небо новое»,⁷⁵ известную в южнорусской и великорусской традиции.⁷⁶

Конечно, можно предполагать, что Ипполит Вишенский мог знать либо книжную, либо устную версию предания, но текст Путешествия этого не подтверждает: в отличие от предшествующих паломнических рассказов предание о погребении Богородицы в нем не приводится, а при описании Гефсимании вместо него передан апокрифический рассказ о явлении Богородицы после погребения апостолу Фоме и даровании ему пояса. Показательно, что и в близких по времени и происхождению Путешествию Ипполита Вишенского описаниях паломничеств иеромонахов Макария и Селиверста (1704) и священника Андрея Игнатъева и брата его Стефана (1707) также приводится этот апокрифический сюжет,⁷⁷ а не легенда об Афонии. Кроме того, в этих памятниках сохранилось то самое предание о схождении света небесного через колонну храма Гроба Господня,⁷⁸ на которое В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание в тексте «Хождения» Иоанна Лукьянова, читающемся в найденной ею рукописи из собрания М. П. Погодина. Встре-

⁷² Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 34.

⁷³ Как отмечают исследователи, переводы таких апокрифических преданий получили распространение в русской книжности не позднее XII в. (Творогов О. В. Апокрифические сказания о успении Богородицы // Словарь книжников. Вып. 1. С. 43—44).

⁷⁴ Там же. С. 44. Публикацию текста см.: Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 281—295.

⁷⁵ Галятковский И. Небо новое. Львов, 1665. Л. 13—13 об. (глава «Чудо Пресвятой Богородици по часъ Успения ей»).

⁷⁶ Левченко-Комисаренко Т. Л., Пидгайко В. Г. Иоанникий (Галятковский). Сочинения // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 86. Появление «Неба нового» исследователи связывают с распространением в XVI—XVII вв. в Речи Посполитой католической подборки легенд и апокрифов о земной жизни Богородицы и ее чудесах после Успения (см.: Там же).

⁷⁷ Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели петровского и послепетровского времени. С. 17, 33.

⁷⁸ Там же. С. 20—21, 31—32.

чается это историческое предание и у последующих паломников XVIII—первой половины XIX в., выходцев как из Малороссии, так и из разных губерний России, что, скорее, свидетельствует об актуальности сюжета в палестинской традиции этого времени, а не в той традиции, к которой по своему происхождению или месту жительства до совершения странствия мог принадлежать писатель-паломник.

Безусловно, вопрос о влиянии местной традиции на писателя-паломника, поднятый В. П. Адриановой-Перетц, важен и сложен, а потому региональные памятники по возможности должны привлекаться к анализу. Но, с другой стороны, оправданна и позиция С. П. Розанова, использовавшего корпус памятников великорусского происхождения, типологически родственных Путешествию Ипполита Вишенского, так как и у первой группы описаний, и у второй есть общий источник — рассказы гидов, сопровождавших паломников во время богомолья. Усвоение писателями-паломниками апокрифических сказаний, связанных со святынями Палестины, непосредственно во время паломничества ранее отмечалось в науке.⁷⁹ Писала об этом и сама В. П. Адрианова-Перетц применительно к текстам «Хождения» Арсения Солунского и «Хождения» игумена Даниила: «Нет оснований думать, что Даниил знал греческие или латинские „путники“. Совпадение с ними его плана, а порою и пересказываемых легенд, объясняется, скорее, теми условиями, в которых протекал осмотр достопримечательностей Палестины. Проводники, руководствовавшиеся готовыми „путниками“, вели группы паломников установленным маршрутом, обращали их внимание на одни и те же памятные места, украшали свой рассказ одними и теми же легендами. <...> Именно руководство этого „вожа“ придало рассказу Даниила типичный план».⁸⁰

Это наблюдение исследовательницы над текстом памятника XII столетия следует распространить и на последующую паломническую литературу, учитывая консерватизм паломнического обряда, следуя которому совершали молитвенное странствие паломники-писатели разных эпох. О влиянии на описания паломников сопровождавших их гидов свидетельствует и текст Путешествия Ипполита Вишенского: анализ включенного в него легендарного материала привел В. П. Адрианову к выводу, что этот паломник «даже в тех случаях, когда мог найти свой материал в книжных источниках, обнаруживает большую склонность к устному или во всяком случае местному преданию».⁸¹ Убедительным примером тому служит анализ Варвары Павловны трех афонских легенд, читающихся в Путешествии Ипполита Вишенского: это сказание о посещении Богородицей Афонской горы,⁸² чудо в монастыре Дохиар, совершенное архангелом Михаилом над отроком, поверженным завистливыми монахами в море,⁸³ и легенда об иконе Божией Матери Троеручицы.⁸⁴ Сопоставив воспроизведение

⁷⁹ См.: *Сумцов Н. Ф.* Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888. С. 5.

⁸⁰ [Адрианова-Перетц В. П.] Путешествия // История русской литературы : В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 1: (Литература XI—начала XIII века). С. 371.

⁸¹ Адрианова В. П. Пелгримация Ипполита Вишенского... С. 23.

⁸² Там же. С. 23—27.

⁸³ Там же. С. 27—29.

⁸⁴ Там же. С. 29—31.

этих легенд Ипполитом Вишенским и Василием Григоровичем-Барским, к «Пешеходцу» которого отсылал С. П. Розанов, и не найдя в их передаче сходства, Варвара Павловна обратилась к сказаниям на отмеченные сюжеты, известным в письменности Древней Руси и не принадлежащим к жанру «хождений».⁸⁵ Сопоставление этого материала с Путешествием Ипполита Вишенского показало, что паломник воспользовался не книжными источниками, а устными версиями известных легенд. Таким образом, проделанная В. П. работа опровергла утверждение С. П. Розанова о том, что к устным рассказам Ипполит Вишенский «относился с большой осторожностью».⁸⁶

Учитывая сказанное, будущему исследователю Путешествия Ипполита Вишенского, о котором в конце рецензии писала Варвара Павловна,⁸⁷ стоит не только акцентировать внимание на описаниях Палестины, бытовавших в Юго-Западной Руси, а потому, возможно, известных Ипполиту Вишенскому, но и привлекать к исследованию памятники Московской Руси, типологически и хронологически близкие к сочинению этого писателя-паломника. Такой контекст, на наш взгляд, будет способствовать успешному завершению «исследования литературных приемов Ипполита Вишенского и связанного с ним разыскания его источников», которое у С. П. Розанова, по мнению его критика, «было лишь намечено самыми общими чертами».⁸⁸

Ряд наблюдений В. П. Адриановой-Перетц над Путешествием Ипполита Вишенского актуален не только для изучения этого памятника, но может быть принят в качестве общих методологических установок для исследования истории восточнославянской паломнической литературы. Так, при изучении жанра «хождения» В. П. видела большой смысл в анализе именно легендарного пласта таких произведений. Она справедливо считала, что выбор паломником легенд, их передача помогают исследователю охарактеризовать мировоззрение писателя и «его литературную опытность»,⁸⁹ установить отношение к предшествующей литературной традиции, а также степень оригинальности и самобытности,⁹⁰ важные для характеристики литературных приемов автора. Результатом такого исследования В. П. считала появляющуюся возможность обоснованно «указать его (т. е. автора. — *И. Ф.*) настоящее место среди других представителей этого литературного *genre*'а».⁹¹

В 1920-х гг. В. П. Адрианова-Перетц опубликовала результаты исследования еще двух памятников паломнической литературы Московской Руси и юго-западной книжной традиции — «Хождения» Василия Гагары и «Хождения» Даниила Корсунского. Предварительные итоги изучения памятников были

⁸⁵ Отметим, что рецензент в основном пользовалась передачей афонских преданий по рукописям XVII в., а также Четым Минеям митрополита Макария и Димитрия Ростовского и трудам Иоанникия Галатовского.

⁸⁶ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского... С. XI.

⁸⁷ Адрианова В. П. Пелгримация Ипполита Вишенского... С. 34.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 22. Наличие легендарного материала в описаниях паломников было для В. П. одним из критериев оценки его содержания. Так, «Путник» Варлаама Леницкого она считала ценным для биографии паломника, но в сравнении с другими паломническими текстами малоинтересным для ознакомления с Палестиной и ее легендами (Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Нежине. С. 50).

⁹⁰ Адрианова В. П. Пелгримация Ипполита Вишенского... С. 23.

⁹¹ Там же. С. 22.

озвучены исследовательницей еще на заседаниях Историко-филологического общества при Самарском университете в 1920—1921 гг.⁹²

Изучение литературной истории «Хождения» Василия Гагары казалось успешно завершенным после выхода в свет 33-го выпуска «Православного Палестинского сборника»,⁹³ где были обнародованы две редакции памятника, выявленные С. О. Долговым на материале восьми списков. Как показало изучение этого памятника В. П. Адриановой-Перетц, в своей работе С. О. Долгов представил позднюю традицию бытования произведения в русской книжности. Сама исследовательница обратилась к раннему периоду литературной жизни текста, как известно, наиболее сложному при изучении средневековых произведений. В поле зрения В. П. оказался сборник из собрания Публичной библиотеки, оставшийся неизвестным С. О. Долгову, так как поступил в библиотеку в составе собрания Ф. И. Буслаева (ныне — Основное собрание рукописной книги РНБ) уже после выхода в свет его исследования.⁹⁴ В сборнике начала XVIII в. Q.XVII.211 читается текст «Хождения» Василия Гагары, который не укладывается в классификацию С. О. Долгова. При описании рукописи И. А. Бычковым содержащийся в ней на л. 209 об.—227 (нижней пагинации) текст был определен как «выдержки из Хождения Василия Гагары».⁹⁵ В. П. Адрианова-Перетц существенно дополнила эту характеристику, отметив, что «выписки захватывают весь текст от начала до конца, с характерными отличиями от всех известных списков».⁹⁶

Среди отличий списка Б (условное обозначение, данное В. П. рукописи из собрания Ф. И. Буслаева) — чтение, важное как для реконструкции литературной истории памятника, так и для истории паломничества Василия Гагары: «И пришел аз многогрешный Василий к Москве во 145 году <...> месяца мая во 12 день» (л. 227). Даты возвращения паломника в Москву — 12 мая — не знают другие списки памятника, но, как считала В. П., она «может быть принята как достоверная и дополняющая биографические сведения других списков», так как «согласуется с названными датами известных списков, которыми паломник отмечал свое передвижение как по Святой Земле, так и на обратном пути в Москву».⁹⁷ Исследовательница привела и другие фактические дополнения списка Б, а также перечислила эпизоды и отдельные чтения, отсутствующие в этом списке сравнительно с текстами Первой и Второй редакций, выделенных С. О. Долговым.⁹⁸ Изучение текста списка Б закономерно поставило перед В. П. вопрос о его протографе. Решение его она считала сложным, поскольку реконструкция литературной истории памятника к тому времени

⁹² Резюме докладов В. П. Адриановой «Из истории древнерусских хождений в Святую землю» и «О казанском купце Василии Гагаре как паломнике-писателе» см.: Протокол заседания 8 февраля 1920 г. // Известия Самарского гос. ун-та. Самара, 1922. Вып. 3. С. 132—133; Протокол заседания 2 января 1921 г. // Там же. С. 175. Напомним, что в это время Варвара Павловна исполняла обязанности ученого секретаря Общества (см.: Там же. С. 118).

⁹³ Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1634—1637 гг. / Под ред. С. О. Долгова. СПб., 1891. (ППС. Вып. 33).

⁹⁴ См.: *Бычков И. А.* Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1897. С. 280, № 5.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Адрианова-Перетц В. П.* Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары // Сборник Российской Публичной библиотеки: Материалы и исследования. Пг., 1924. Т. 2, вып. 1. С. 232.

⁹⁷ Там же. С. 233.

⁹⁸ Там же. С. 233—234.

(как, впрочем, и до сих пор) имела «слишком много утерянных промежуточных звеньев, необходимых для полной и отчетливой картины литературной истории текста хождения». А потому однозначно исследовательница могла утверждать лишь то, что ни к одной из редакций, известных по изданным спискам, список Б отнести нельзя, хотя и отмечала, что в целом его текст близок к тексту Второй редакции, но «встречаются главы, повторяющие тип Первой редакции, причем иногда они совершенно отсутствуют во Второй редакции, иногда передаются там короче».⁹⁹ Не нашла В. П. оснований рассматривать список Б как «комбинацию материала, поочередно выбиравшегося то из одной, то из другой разновидности».¹⁰⁰ Учитывая наличие в тексте списка Б фактических подробностей, отсутствующих в других списках памятника, его близость ко Второй редакции и «довольно пеструю смесь чтений обоих типов», В. П. предложила единственно возможное объяснение: «Итак, список Б заставляет нас предполагать какой-то первоначальный текст «Хождения» Василия Гагары, предшествующий обоим изданным редакциям и лежащий в их основе в качестве одного из источников».¹⁰¹ Этот тезис исследовательницы подтвердил еще один список XVII в. «Хождения» Василия Гагары, обнаруженный ею в собрании БАН (45.10.9). И хотя этот список дефектен (обрывается на описании окрестностей Иерусалима, в середине отсутствует тетрадь, а сам текст значительно испорчен при переписывании), он дает ряд новых чтений, к тому же его «текст менее литературно обработан, в нем нет еще разных крупных биографических вставок, начиная с покаянного предисловия».¹⁰² В сравнении с известными списками «Хождения» именно текст списка А (условное обозначение списка БАН, 45.10.9) ближе к тому особому изводу Первой редакции, который находится в списке Временника.¹⁰³ Напомним, что «текстом Временника» в науке принято обозначать особый извод Первой редакции «Хождения» Василия Гагары, опубликованный во «Временнике Общества истории и древностей российских».¹⁰⁴ Местонахождение рукописи, по которой осуществлена эта публикация, до сих пор неизвестно.

Наряду с найденными В. П. Адриановой-Перетц списками «Хождения» А и Б, тексту Временника она также отводила особое место в литературной истории произведения: «Список Временника производит впечатление черного наброска, принадлежащего самому Василию, так как в нем немало биографических сведений, изложение ведется в первом лице и есть интересные новые детали фактического свойства».¹⁰⁵ Как и список Б, его текст не укладывается в схему двух выделенных С. О. Долговым редакций и «указывает на какие-то более ранние стадии в развитии текста хождения».¹⁰⁶ Характеризуя список, найденный в собрании Библиотеки Академии наук,

⁹⁹ Там же. С. 235—236.

¹⁰⁰ Там же. С. 235.

¹⁰¹ Там же. С. 239. Х. М. Лопарев предполагал, что Василий Гагара писал свое «Хождение» в Москве или Казани «по памяти» (*Лопарев Х. М. Анонимное Иерусалимское хождение начала XVIII века*. СПб., 1912. С. 8—9).

¹⁰² *Адрианова-Перетц В. П. Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары*. С. 239—240.

¹⁰³ Там же. С. 240.

¹⁰⁴ *Временник Общества истории и древностей российских*. М., 1851. Кн. 10: (Смесь). С. 14—23.

¹⁰⁵ *Адрианова-Перетц В. П. Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары*. С. 240.

¹⁰⁶ Там же.

В. П. подробно остановилась на содержащихся в нем новых фактических сведениях, отражающих, как она считала, частично личные впечатления паломника, частично — местные легенды устного происхождения.¹⁰⁷ Отсутствующие в списке А фрагменты текста, характерные для других списков (биографические воспоминания, покаянное предисловие, сравнение Геона с Волгой, а также различных построек с московскими и др.),¹⁰⁸ В. П. возводила к источнику, с которым работал переписчик, отражающему ранний вариант текста «Хождения». Особо в тексте этого списка В. П. выделила своеобразное предисловие, указывающее, по ее мнению, на то, что это запись устного рассказа: «...и в сем свитке записано, что слышано подлинно в бусормацкой земле у полонеников крестьянския веры крещеные и у армен и у бусорман и у арапов крестьянские веры, у жидов, хто что видал, а некоем обещанию видеть святой Еросалим хотящему идти молитися у Гроба Господня, и по обещанию поидоша во святой Еросалим чрез Грузинское царство».¹⁰⁹

Изучив обнаруженные списки, В. П. представила литературную историю произведения так: неизвестные спутники Василия Гагары, оказавшись в Персии, рассказали, возможно, с его слов, о чужих странах нашим послам в Кизылбашской земле, «те, по обычаю, записали эти рассказы в статейные списки и вместе с деловыми донесениями отправили их в Москву. Здесь эта черновая запись стала известной Василию Гагаре, в этом, — считала исследовательница, — нет ничего невероятного, если вспомним близость его к царскому двору, — он дополнил ее биографическим и литературным материалом, переработал, возможно, и не раз, и в таком виде его описание вошло в группу других древнерусских хождений в Св. Землю».¹¹⁰ Следы первоначальной переработки, по мнению В. П., и сохранил текст списка Б, оригинал которого «имел менее развитую биографическую часть, а в самом изложении объединял такие черты, которые со временем распределились по двум типам хождения, соответствующим двум изданным редакциям. Одна из ранних обработок, также с малым количеством биографических сведений, лежит и в основе сборника XVII века, текст которого издан во *Временнике*».¹¹¹ В дальнейшем, по мнению исследовательницы, при переписывании и неоднократной переработке текст «Хождения» приобрел типичные для паломнических описаний черты: обогатился цитатами из Писания, выписками из литературных источников, но, как подчеркивала В. П., даже эта обработка полностью не сгладила устного происхождения текста. При такой трактовке литературной истории «Хождения» Василия Гагары сама роль Василия, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, сводится более к редакторской работе, и, таким образом, он «отходит от группы оригинальных паломников-писателей, примыкая к многочисленным в древнерусской литературе авторам-компиляторам».¹¹² Такое решение вопроса о роли Василия Гагары в истории текста, известного в отечественной паломнической

¹⁰⁷ Там же. С. 245.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 240.

¹¹⁰ Там же. С. 246.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. С. 247. Предложенная В. П. Адриановой-Перетц версия литературной истории памятника поддерживается современной наукой, см.: Турилов А. А. Гагара Василий Яковлевич // ПЭ. М., 2005. Т. 10. С. 249.

литературе как «Хождение» Василия Гагары, до сих пор не получило отклика в отечественной медиевистике. Причина этого, на наш взгляд, ясна: как и в далекие 1920-е гг., когда В. П. обратилась к «Хождению», литературная история памятника остается не выстроенной, а именно она содержит ответ на вопрос о том, самобытным автором или редактором-компилятором был «московский гость» Василий Гагара. О необходимости продолжения исследования памятника свидетельствуют и его новые списки, введенные в научный оборот после выхода в свет статьи В. П. Адриановой-Перетц.¹¹³

Статья, опубликованная в 1926 г., — «Данило Корсунский — паломник XVI—XVII віку»¹¹⁴ — акцентировала внимание на памятнике украинско-белорусской паломнической литературы. Эта западнорусская переделка «Хождения» игумена Даниила заинтересовала исследовательницу еще в годы обучения в магистратуре. В отчете о работе за 1913 г. она сообщала, что в библиотеке Народного дома во Львове ею найдены четыре новых списка произведения, с которых сняты копии. Вероятно, эти списки она упоминает и в отчете 1914 г. о подготовке к магистерскому экзамену.¹¹⁵

Впервые на западнорусские списки «Хождения» игумена Даниила обратил внимание М. А. Веневитинов, назвав их «западнорусской переделкой» памятника.¹¹⁶ Исследователь подробно охарактеризовал ее текст, известный ему по списку из собрания Троице-Сергиевой лавры, № 1914, отметил внесенные автором-редактором изменения (сокращения и добавления).¹¹⁷ Завершая статью, М. А. Веневитинов высказал предположение о возможности рассматривать автора текста не просто как редактора «Хождения» игумена Даниила, а как «нового путешественника в Палестину».¹¹⁸ Когда В. П. начинала изучение «Хождения» игумена Даниила, то также рассматривала «Хождение» Даниила Корсунского как «переделку» памятника XII в., в чем убеждает ее доклад «К истории Хождения игумена Даниила в южнорусской литературе», прочитанный на заседании Историко-филологического общества в Нежине 18 февраля 1914 г.¹¹⁹ На тот

¹¹³ Необходимость проведения «более полного изучения» рукописной традиции памятника, с учетом вновь найденных списков, отмечена О. А. Белобровой (см.: *Белоброва О. А. Василий Гагара // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 1. С. 162*). Об обнаруженных исследовательницей новых списках памятника, общее число которых возросло до девятнадцати, см.: *Белоброва О. А. О ленинградских списках древнерусских хождений в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 168—170*.

¹¹⁴ *Адрианова-Перетц В. П. Данило Корсунский — паломник XVI—XVII віку // Зап. Филол. відділу УАН. Киев, 1926. С. 1—18*. Именно эту статью И. П. Еремин выделял среди ранних работ В. П. Адриановой-Перетц (см.: *Еремин И. П. Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. С. 23*).

¹¹⁵ Отчет В. П. Адриановой о подготовке к магистерскому экзамену. С. 38.

¹¹⁶ *Веневитинов М. А. Заметки к истории Хождения игумена Даниила. II. Западнорусская переделка Хождения Даниила игумена в Палестину // ЖМНП. СПб., 1883. (Май). С. 6—13*. В издании текста «Хождения» игумена Даниила на страницах «Православного Палестинского сборника» М. А. Веневитинов внес известные ему два списка «переделки» в перечень шифров «Хождения» Даниила, см.: *Житье и хоженье Даниила, Русския земли игумена. 1106—1108 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова. СПб., 1883. С. XIX, № 52, 54. (ППС. Вып. 3)*. Напомним, что список «Хождения» Даниила Корсунского из собрания Троице-Сергиевой лавры, № 1914 был известен и А. С. Норову, назвавшему его текст «какой-то безобразной смесью» (*Путешествие игумена Даниила. С. XIII, № 14*).

¹¹⁷ *Веневитинов М. А. Заметки к истории Хождения игумена Даниила. С. 7—12*.

¹¹⁸ Там же. С. 13.

¹¹⁹ *Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Нежин 18—20 февраля 1914 года. С. 8*.

момент ей было доступно пять списков «переделки»: четыре южнорусских и один великорусский. На этом материале ею были выделены две редакции, восходящие к одному оригиналу, — полная и краткая, извлеченная из полного текста священником Тимофеем Зборовским в 1701 г.¹²⁰ Исследовательница рассматривала ее перевод на великорусский язык, сохранившийся в рукописи Троице-Сергиевой лавры 1747 г., как «дополнение к текстам полной редакции».¹²¹

В статье 1926 г. количество изучаемых списков «Путника иерусалимского» достигло семи.¹²² Самой многочисленной и продуктивной в литературной истории памятника оказалась первая редакция, текст которой передают шесть списков.¹²³ Их характеристике В. П. уделила значительную часть работы, подробно остановившись на двух старших списках редакции — ГИМ, собр. П. И. Щукина, № 410, 1673 г. (список Щ в условном обозначении В. П.) и список 1695 г. из коллекции А. Петрушевича, № 172 (список А). Оба списка значимы не только своим ранним происхождением, но и тем, что полнее других передают текст памятника. Так, в списке А, в сравнении с текстом Второй редакции «Хождения» игумена Даниила, которую, как считала В. П., переработал Даниил Корсунский,¹²⁴ пропущены две главы — «О доме Соломонове» и «О Гефсимании», общее число глав — 75.¹²⁵ В списке Щ¹²⁶ отсутствует глава «О царице Елене» и послесловие.¹²⁷ Характеризуя текст переделки, В. П. подтвердила мнение М. А. Веневитинова о достаточно точной передаче оригинала, когда Даниил Корсунский, «выписывая подряд целые главы, не опускал даже личных воспоминаний игумена Даниила», которые подчас противоречили историческому контексту паломничества Даниила Корсунского. Яркий пример тому — сохраненный в тексте рассказ о встрече с королем Балдуином.¹²⁸

Анализируя тексты списков, В. П. задалась вопросом о природе разночтений: принадлежат они автору «Путника иерусалимского» или отражают особенности оригинала? Ответ исследовательница видела в воссоздании рукописной традиции «Хождения» игумена Даниила. От результатов этого исследования зависело и решение, «в какой мере можно говорить о Данииле Корсунском как о новом паломнике-писателе» или редакторе.¹²⁹ Однако сам «Путник иерусалимский» в результате проведенного исследования В. П. Адрианова-Перетц

¹²⁰ Там же. С. 8. Этот список А. С. Петрушевич охарактеризовал в письме к Н. В. Русскому, опубликованном последним в обзоре списков «Хождения» игумена Даниила (см.: *Русский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII века // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 3 (158). С. 110—111).

¹²¹ Об этом см.: Отчет В. П. Адриановой о подготовке к магистерскому экзамену. С. 38.

¹²² Позже исследовательница обнаружила еще один список — ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1777 (XVIII в.): *Адрианова-Перетц В. П.* Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке : (Украинские переводы «Хождения» игумена Даниила и «Сказания Афродитиана») // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 250, примеч. 10.

¹²³ *Адрианова-Перетц В. П.* Данило Корсунский — паломник XVI—XVII вiкy. С. 3.

¹²⁴ Там же. С. 4.

¹²⁵ Там же. С. 3.

¹²⁶ По этому списку текст памятника был опубликован, см.: *Щурат В.* Перегринация, или Путь до Иерусалима Даниила архимандрита Корсунского з Бълой Россii : (Середньовiчна пам'ятка староруської літератури в редакції XVI вiкy по ульцькій рукописі). Жовква, 1906.

¹²⁷ *Адрианова-Перетц В. П.* Данило Корсунский — паломник XVI—XVII вiкy. С. 3.

¹²⁸ Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Нежин. С. 9.

¹²⁹ Там же.

склонна была рассматривать как новое произведение восточнославянской паломнической литературы,¹³⁰ а не как переделку «Хождения» игумена Даниила.

Продолжая исследовать апокрифический и легендарный материал в рассказах паломников, В. П. при изучении «Путника иерусалимского» Даниила Корсунского не обошла вниманием легендарные сюжеты, внесенные книжником в перерабатываемый им текст: это апокрифический «Сон Богородицы» и легендарное объяснение того, почему священников называют попами; предание о сладкой воде, рождающейся в лавре Саввы Освященного, и рассказ о царице Елене. Отмечая своеобразие версий этих легенд, приведенных Даниилом Корсунским, исследовательница посчитала возможным рассматривать апокриф об иерействе Иисуса Христа в его передаче как самостоятельную, Третью редакцию легенды.¹³¹

Среди перечисленных В. П. вставок, внесенных Даниилом Корсунским в текст «Хождения» игумена Даниила,¹³² обратим внимание на чтение в описании дома царя Давида: «...ту убо престолом поставленным и тамо судятся все племена земная и языци и написано есть: в том дому страшная совершается». ¹³³ Этот парафраз одного из псалмов Давида (Пс. 121: 5) относится, как справедливо указала исследовательница, к числу тех поверий, которые слышал архимандрит Корсунский в Палестине; его же, по ее наблюдению, передают два памятника великорусской традиции XVI в. — «Хождение» Василия Позняка и «Хождение» Трифона Коробейникова.¹³⁴ От себя добавим, что этот сюжет содержится и в русском переводе 1531 г. проскинитария «Поклоненье святого града Иерусалима», откуда он и был заимствован в «Хождение» Ва-

¹³⁰ Такой взгляд на текст, подписанный именем «Даниила, архимандрита монастыря Корсунского, в Белой Руси», принят современной наукой (см.: *Seemann K.-D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. S. 308—311, 456; *Турилов А. А.* Даниил, архим. Корсунский // ПЭ. М., 2006. Т. 14. С. 77—78). Справедливости ради заметим, что среди современных исследователей есть и сторонники того, что «Путник иерусалимский» «представляет собой конечный пункт спонтанного бытования знаменитого Х[ождения] Д[аниила]» (см.: *Верещагин Е. М.* «Хождение» игумена Даниила в переработке «Путника Иерусалимского»: (По рукописи 1747 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. (№ 29). С. 22). Основания для такого взгляда на литературную историю «Хождения» игумена Даниила остаются неясными, ибо памятник продолжал жить в книжной культуре XVII—XVIII столетий. При этом он не просто копировался, но и подвергался редактированию, что убедительно демонстрируют списки произведения, найденные В. П. Адриановой-Перетц (см. об этом далее в статье) и обнаруженные в наши дни; сошлюсь на один из них: РНБ, Соловецкое собр., № 9/1468, л. 191 (Космография Сергия Шелонина), где помещен особый краткий вид текста, ранее науке не известный, называемый нами Космографической редакцией «Хождения игумена Даниила».

¹³¹ *Адрианова-Перетц В. П.* Данило Корсунский — паломник XVI—XVII вв. С. 16. Этот тезис Варвары Павловны не получил признания в науке: читающаяся в «Путнике иерусалимском» Даниила Корсунского версия апокрифа о иерействе Иисуса Христа исследователями рассматривается как сильно сокращенный вариант редакции, восходящей к византийскому Лексикону Свида (об этом см.: *Лурье Я. С.* Апокриф о иерействе Иисуса Христа // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 51). Публикацию варианта апокрифа, приведенного Даниилом Корсунским, по списку из собрания Троице-Сергиевой лавры см.: *Тихонравов Н. С.* Памятники отечественной литературы. М., 1863. Т. 2. С. 172—173.

¹³² *Адрианова-Перетц В. П.* Данило Корсунский — паломник XVI—XVII вв. С. 13—14.

¹³³ Там же. Ср. с текстом Второй редакции «Хождения» игумена Даниила: «Столпъ же есть святого пророка Давыда; на немже Псалтырь съставиль» («Паломник» — вторая редакция «Хожения» игумена Даниила / Подгот. текста И. В. Федоровой, пер. Г. М. Прохорова // «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Изд. подгот. О. А. Белоброва, М. Гардзанти, Г. М. Прохоров, И. В. Федорова. СПб., 2007. С. 180).

¹³⁴ *Адрианова-Перетц В. П.* Данило Корсунский — паломник XVI—XVII вв. С. 14.

силія Познякава, а затым пераешел в «Хождение» Трифона Коробейникова. Значимым кажется и то, что это сообщение о доме Давида содержится в русских паломнических текстах XVI столетия, тогда как в греческой традиции встречаем его в XV—XVI вв.¹³⁵

Обратим внимание и на еще одну особенность переделки «Хождения» игумена Даниила Даниилом Корсунским. В рассказе о схождении света святого на Гроб Господень в Великую субботу Даниил Корсунский сообщает, что «просих от князя грамоти к путискої. Он же повелі скоро написати і приложити печать, дасть в руці мої. Такожде і ігумен святого Сави Арсеній, і той такожде написал грамоту і з печатію дасть мі в руці і з подписом рук своїх, з миром и благословенієм отидохом».¹³⁶ В этом сообщении о получении подорожной грамоты Даниил Корсунский пересекается с реалиями рассказа о паломничестве 1582—1584 гг. польского князя Николая Радзивилла Сиротки, который даже привел тексты подобного рода документов. Несмотря на то что в сообщении Даниила Корсунского есть хронологическая неувязка (князем, по его словам, давшим грамоту, называется король крестоносцев Балдуин), в нем отразилась реальная сторона паломничества Даниила Корсунского, позволяющая также узнать, что архимандрит знал греческий язык, благодаря чему он перевел дарованную Арсением, игуменом лавры Саввы Освященного, «книжицу о всіх страстях Христових, і житіє патріархи Авраама, Ісаака, Іакова і святого пророка і царя Давида» и в лавре Саввы Освященного читал «книгу великую, зовемую „Кронник“».¹³⁷

Закономерным итогом исследований В. П. Адриановой-Перетц 1910—1940-х гг. стали главы о паломнической литературе, написанные для академической «Истории русской литературы» в 10 томах.¹³⁸ Несмотря на то что издание призвано было аккумулировать знание науки того времени об этом жанре, в написанных В. П. научных очерках отразились ее личные наблюдения над текстами «хождений», что хорошо видно на примере статьи, посвященной «Хождению» игумена Даниила. Охарактеризовав содержание памятника, В. П. остановилась на списке имен князей, записанных Даниилом для поминовения в лавре Саввы Освященного, и попыталась объяснить их выбор. Этот перечень важен не только как формальный признак различия редакций:¹³⁹ он дает возможность охарактеризовать и самого Даниила. В. П. Адрианова-Перетц считала, что поскольку автор был черниговским игуменом, то им были упомянуты южнорусские князья. На этот тезис исследовательницы обратил внимание В. Л. Янин, подчеркнувший, что до В. П. попыток интерпретировать составленный Даниилом список княже-

¹³⁵ См., например, русский перевод одного из таких проскинитариев — «Повесть к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1538, л. 2).

¹³⁶ Цит. по рукописи: *Адрианова-Перетц В. П.* Хождение Даниила. Л., 1948 (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1, № 6. С. 299). Подробнее об этой рукописи см. далее в статье.

¹³⁷ Там же. С. 300.

¹³⁸ Напомним, что В. П. была не просто автором очерков этого издания, но и его «главным организатором и вдохновителем» (*Лихачев Д. С.* История древней русской литературы в трудах В. П. Адриановой-Перетц. С. 12).

¹³⁹ На это различие между группами списков обратил внимание М. А. Веневитинов, учитывая его при выделении редакций памятника: *Веневитинов М. А.* Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст. // ЛЗАК. СПб., 1884. Вып. 7: (1876—1877). С. 87, 95.

ских имен не предпринималось.¹⁴⁰ Предшественник В. П. в исследовании литературной истории памятника М. А. Веневитинов не анализировал этот список с исторической точки зрения, а связывал путаницу и пропуски княжеских имен в разных редакциях с тем, что память о них с течением веков утрачивалась, из-за чего переписчики ошибались.¹⁴¹ И хотя В. Л. Янин не разделил высказанное В. П. Адриановой-Перетц мнение,¹⁴² для нас важно то, что в очерках о древнерусском паломничестве, написанных специально для многотомной «Истории русской литературы», исследовательница выразила свой взгляд как на литературную историю отдельных «хождений», так и на историю развития жанра в целом.

Это эвристическое начало статей Варвары Павловны в «Истории русской литературы» было отмечено позднейшими исследователями паломнической литературы. Так, О. А. Белоброва главным достоинством издания считала то, что «обзор хождений позволил здесь в обобщенной форме охарактеризовать именно литературные элементы» этого рода письменных источников. Исследовательница высоко оценила взгляд автора на древнерусские «хождения» как на «устойчивый очерковый жанр», в котором немаловажное значение приобретает смешение достоверного и легендарного (как книжного, так и устного происхождения).¹⁴³ Значимость очерков, написанных В. П., для изучения истории жанра состояла, по словам О. А. Белобровой, и в указанной исследовательницей связи паломничеств с деловой письменностью, в частности, со статейными списками русских послов.¹⁴⁴ Особо О. А. Белоброва выделила осуществленную В. П. классификацию литературы путешествий по трем группам: «собственно паломничества на пути к святыням Востока, сказочные путешествия и светские хождения».¹⁴⁵ Эта классификация «хождений» получила развитие в статье Н. И. Прокофьева,¹⁴⁶ хотя прямо на работу В. П. исследователь не ссылался.

Еще одной новацией «Истории русской литературы» стал очерк В. П. Адриановой-Перетц, посвященный паломническим текстам XVI в.¹⁴⁷ В отличие от предшествующей традиции исследовательница представила здесь литературу путешествий этого периода через памятники, которым историография отводила маргинальное положение в истории паломнической литературы. Это описание Афонской горы и ее монастырей игумена Пантелеймонова монастыря Иоакима, получившее распространение благодаря ВМЧ митрополита Макария, по заказу которого оно было составлено. И хотя помимо этого текста других афонских сочинений В. П. не указала, данная ею характеристика со-

¹⁴⁰ Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 114.

¹⁴¹ Веневитинов М. А. Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст. С. 97.

¹⁴² Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». С. 114, 131.

¹⁴³ Белоброва О. А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 257.

¹⁴⁴ Там же. В цитируемой статье О. А. Белобровой этот аспект изучения жанра не только получил продолжение, но и подтвердил свою продуктивность.

¹⁴⁵ Там же. С. 257.

¹⁴⁶ Прокофьев Н. И. «Хождения» как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1968. Вып. 288: (Вопросы русской литературы). С. 6—9.

¹⁴⁷ [Адрианова-Перетц В. П.] Путешествия XVI в. // История русской литературы : В 10 т. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 511—515.

держания памятника может быть распространена на большинство афонских описаний этого времени и такого типа.

В корпус «Путешествий XVI в.» В. П. включила и греческий проскинитарий, известный в русском переводе как «Поклонение святого града Иерусалима». Обычно этот текст привлекал внимание исследователей лишь как источник, из которого в «Хождение» Василия Познякава (1558—1561) была заимствована значительная часть описания Иерусалима и Палестины. Показательно также и то, что именно «Хождение» Василия Познякава Варвара Павловна воспринимала как центральное в истории отечественной паломнической литературы XVI в., сместив на него акцент с «Хождения» Трифона Коробейникова, с которым в науке ассоциируется паломническая литература всего XVI столетия. В рассказе о «Хождении» Василия Познякава значительное внимание В. П. уделила не проблеме заимствования памятником текста из «Поклонения святого града Иерусалима», в свое время тщательно изученной М. А. Голубцовой, а оригинальной части произведения с содержащимися в ней легендарными сюжетами. Известное «Хождение» Трифона Коробейникова интересовало исследовательницу не как новое произведение XVI в., а как новый тип паломнического «хождения», появившийся, после того как его автор (Адрианова-Перетц придерживалась мнения, что это был не Трифон, а «кто-либо, слышавший о посольствах Коробейникова, но сам лично в них не участвовавший») ¹⁴⁸ несколько переработал «Хождение» Василия Познякава. ¹⁴⁹ Особое место в паломнической литературе «Хождения» Трифона Коробейникова, о котором свидетельствует большое число его списков, исследовательница объясняла тем, что «самый тип Хождения, сохранив характерные жанровые признаки, видоизменился после того, как в его рамки вплелись самостоятельные части — официальные документы в виде посланий, грамот и статейных списков, и развитые повести с бытовыми, историческими и легендарными сюжетами». ¹⁵⁰ Глава о литературе путешествий XVI в. может служить яркой иллюстрацией к словам Д. С. Лихачева о том, что при работе над «Историей русской литературы» В. П. придавала большое значение «пересмотру традиционно сложившегося репертуара памятников, обычно включавшихся в общие курсы в XIX в. и в начале XX в.». ¹⁵¹

О своем желании — и как редактора «Истории русской литературы», и как ее автора — «освежить не только схему, но и самый литературный материал» издания В. П. писала в одном из писем к Н. К. Гудзию в 1936 г. ¹⁵² Переписка ученых свидетельствует об особом отношении В. П. к работе над

¹⁴⁸ Там же. С. 515.

¹⁴⁹ Обратим внимание на то, что в серии «Библиотека литературы Древней Руси», издание которой осуществляет Отдел древнерусской литературы ИРЛИ РАН, паломническая литература XVI в. представлена именно «Хождением» Василия Познякава, а не «Хождением» Трифона Коробейникова (Хождение на Восток гостя Василия Познякава с товарищи / Подгот. текста, пер., коммент. О. А. Белобровой // БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 48—93). Нам не известно, был ли выбор этого памятника определен установкой В. П., отразившейся в «Истории русской литературы», но, так или иначе, публикация в БЛДР выводит памятник из тени «Хождения» Трифона Коробейникова, и можно надеяться, что она привлечет к нему внимание современных исследователей (литературная история произведения не может считаться до конца изученной).

¹⁵⁰ [Адрианова-Перетц В. П.] Путешествия XVI в. С. 515.

¹⁵¹ Лихачев Д. С. История древней русской литературы в трудах В. П. Адриановой-Перетц. С. 12.

¹⁵² Цит. по: Дробленкова Н. Ф. В. П. Адрианова-Перетц — преподаватель и редактор // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 28.

вторым томом «Истории русской литературы», вторая часть которого посвящена литературному процессу XVII в.: «Дать XVII век как следует — для меня вопрос моей научной совести». ¹⁵³ Литература путешествий в этом томе представлена в двух разделах — «Путешествия первой половины XVII в.» (автором его выступила В. П.) и «Путешествия на Запад» (автор — Д. С. Лихачев). ¹⁵⁴ Раздел, написанный В. П., своеобразен по представленному в нем репертуару памятников. Собственно паломническая литература периода представлена одним памятником — «Хождением» Василия Гагары. В обзоре путешествий первой половины XVII столетия В. П. кратко изложила свой взгляд на литературную историю произведения, резюмировав посвященное ему текстологическое исследование 1926 г. и еще раз высказав мнение о роли в его создании Василия Гагары: «Нет оснований считать его (Василия Гагару. — *И. Ф.*) вполне оригинальным писателем-паломником: его работа была скорее редакторской, чем авторской». ¹⁵⁵ Значительное внимание в главе В. П. уделено памятникам, посвященным описаниям «иноземств», выполненным в разных жанрах. Среди них — «Книга Большой Чертеж», своим содержанием примыкающая к «географической литературе»; рассказ о посольстве Василия Тюменца и Ивана Петрова в 1616 г. из Томска в Монголию и «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам» Ивана Петлина, предварившая подробное описание Китая участником более позднего московского посольства (1678) Николаем Спафарием. Этот ряд статейных отчетов В. П. «замкнула» «Сказанием о хождении в Персию» купца Федота Котова. ¹⁵⁶

Еще И. П. Еремин отметил стремление В. П. изучать «трудные памятники». К числу таких произведений до сих пор относится древнейший памятник жанра хождения «Хождение» игумена Даниила, к исследованию которого В. П. приступила еще в начале своего творческого пути.

Несмотря на кропотливую работу М. А. Вeneвитинова, результатом которой стала публикация текста памятника и ряда статей, посвященных исследованию его рукописной традиции, ¹⁵⁷ изучение этого произведения В. П. Адриановой-Перетц стало важнейшим этапом пока еще не завершенного исследования литературной истории «Хождения». Среди других паломнических текстов этот памятник долгое время оставался главным в творческой лаборатории исследовательницы. Об обнаружении новых списков и их текстологических особенностях в сравнении с известными М. А. Вeneвитинову В. П. сообщила уже в отчетах Семинария В. Н. Перетца. ¹⁵⁸ Это списки, не

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ [Адрианова-Перетц В. П.] Путешествия первой половины XVII в. // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 118—126; [Лихачев Д. С.] Путешествия на Запад // Там же. С. 420—427.

¹⁵⁵ [Адрианова-Перетц В. П.] Путешествия первой половины XVII в. С. 126.

¹⁵⁶ Там же. С. 118—123.

¹⁵⁷ Жизнь и хождение Даниила, Русские земли игумена / Под ред. М. А. Вeneвитинова. СПб., 1883—1885. Ч. 1—2. (ППС. Т. 1, вып. 3; Т. 3, вып. 3); Вeneвитинов М. А. Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст. С. 129—133. Более полную библиографию работ М. А. Вeneвитинова см.: Творогов О. В. Даниил // Словарь книжников. Вып. 1. С. 111.

¹⁵⁸ Эта работа исследовательницы по разысканию списков памятника отмечалась некоторыми учеными: Еремин И. П. Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. С. 28.

учтенные и в работе Н. В. Рузского,¹⁵⁹ — ГИМ, Синодальное собр., № 1364 и № 1505,¹⁶⁰ БАН, 33.11.12 и 34.8.20.¹⁶¹ Последний список особенно заинтересовал исследовательницу, так как он «представляет отрывок любопытной переделки памятника, полностью сохранившейся в рукописи Синодальной библиотеки № 811, XVIII века».¹⁶² Синодальная рукопись № 811, составленная св. Димитрием Ростовским,¹⁶³ была исследована еще М. А. Веневитиновым, обозначившим находящийся в ней список «Хождения» как Синодальный IV.¹⁶⁴ Историю создания переделки XVIII в. исследовательница нашла близкой к истории «Путника иерусалимского» Даниила Корсунского. В. П. Адрианова-Перетц считала, что выполнена она неким паломником, побывавшим в Иерусалиме, а затем воспользовавшимся «для своего путешествия готовым трудом, несколько изменив его и добавив свои личные впечатления».¹⁶⁵ Анализируя работу неизвестного паломника с текстом игумена Даниила, В. П. пришла к выводу, что «перед нами не обычное сокращение старого памятника, а сознательное приспособление его к новой цели»,¹⁶⁶ что хорошо видно на примере рассказа о схождении света небесного в Великую субботу на Гроб Господень. Завершая краткую характеристику особенностей найденного списка, В. П. пообещала, что «более подробные сведения об этой переделке Хождения игумена Даниила будут сообщены в приготавливаемом исследовании о литературной истории памятника».¹⁶⁷ Такое исследование состоялось, но, к сожалению, опубликовано не было.

В архиве В. П. Адриановой-Перетц, хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (ф. 728), сохранилась «Аннотация» предполагаемого исследования-издания памятника.¹⁶⁸ Работа была завершена в 1948 г.¹⁶⁹ Сама рукопись

¹⁵⁹ *Рузский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII века. С. 6—133.

¹⁶⁰ Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в С.-Петербург. 23 февраля—3 марта 1913 года. С. 46—47. Также об этом см.: Отчет В. П. Адриановой о подготовке к магистерскому экзамену. С. 38.

¹⁶¹ Списки памятника из собраний БАН, обнаруженные В. П., учтены в каталоге шифров, систематизированном по различным источникам К. Зеemannом: *Seemann K.-D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. S. 448.

¹⁶² Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Петроград 30 января—7 февраля 1915 года. С. 19.

¹⁶³ С этой рукописи Димитрия Ростовского была снята еще одна копия — РНБ, собр. А. А. Титова, № 2037 (XVIII в.), а с нее в свою очередь в XIX в. был переписан кодекс РНБ, собр. А. А. Титова, № 4511. Рукописи из собрания А. А. Титова выявлены М. А. Федотовой, ею же установлена их зависимость от кодекса Синодального собр., № 811. Пользуюсь случаем поблагодарить Марину Анатольевну за эту информацию.

¹⁶⁴ *Веневитинов М. А.* Переделка Хождения игумена Даниила в сборнике св. Димитрия Ростовского // ЧОИДР. М., 1889. Кн. 3. С. 3—25.

¹⁶⁵ Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Петроград 30 января—7 февраля 1915 года. С. 19—20.

¹⁶⁶ Там же. С. 20.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ РО ИРЛИ, ф. 728. Раздел «Научные труды»; научно-техническое описание фонда еще не завершено. Подробнее об архиве В. П. Адриановой-Перетц см.: *Рождественская М. В., Николаева Е. П.* Об архивном наследии В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 21—29.

¹⁶⁹ Этим временем датируется и аннотация, и само исследование: *Адрианова-Перетц В. П.* Хождение Даниила. Л., 1948 (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 6, № 1, титульный лист). В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте статьи в скобках.

в настоящее время хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 150, оп. 6, № 1).¹⁷⁰ В отличие от своего предшественника М. А. Веневитинова Варвара Павловна планировала издать текст каждой редакции «Хождения» самостоятельно, а не сводом. Публикация Первой редакции, как и у М. А. Веневитинова, подготовлена В. П. по списку Q.XVII.88 (она называет его «Веневитиновским»; л. 92—160), но исследовательница отказалась от практики интерполирования в него недостающих чтений, в свое время восстановленных М. А. Веневитиновым по списку Румянцевского собр., № 335; их исследовательница воспроизвела в примечаниях к основному тексту (л. 161—162).¹⁷¹ Основным списком Второй редакции В. П. Адриановой-Перетц был избран «минейный» (ГИМ, Синодальное собр., № 181, л. 163—230).¹⁷² Его она считала «лучшим списком» редакции (л. 3).

Кроме издания двух редакций В. П. считала важным опубликовать переделку «Хождения» Даниила в путеводитель, чтобы показать «жизнь» произведения и его восприятие книжниками и читателями разного времени. Одна из таких переделок XVI в. по списку РНБ, Софийское собр., № 1453 была издана М. А. Веневитиновым,¹⁷³ но, как показывает исследование списков памятника, этот список не был единственным, в котором «Хождение» игумена Даниила приспособлено к форме путеводителя. Свой выбор В. П. остановила на списке конца XVII—начала XVIII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 811, л. 231—260). Завершить несостоявшееся издание должно было воспроизведение «Путника иерусалимского» Даниила Корсунского по списку 1695 г. из коллекции А. Петрушевича (№ 172, л. 260—303). Большая часть подготовленных к изданию текстов (л. 92—271) на всем протяжении содержит правку В. П., и только текст «Путника иерусалимского» отредактирован частично (с л. 260 по л. 271), что, к сожалению, делает невозможной публикацию этой работы В. П. Вместе с тем издание этого памятника-«переделки» остается актуальной задачей нашего времени,¹⁷⁴ осуществление которой может состояться только после сверки его текста по всем сохранившимся спискам.

Публикацию текстов В. П. предварила кратким введением, в котором в лаконичной форме охарактеризовала рукописную традицию памятника,¹⁷⁵

¹⁷⁰ Кратко об упомянутом исследовании В. П. Адриановой-Перетц нам уже приходилось писать (см.: Федорова И. В. Из литературной истории «Хожения» игумена Даниила // «Хожения» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. С. 397—398).

¹⁷¹ См. об этом: Адрианова-Перетц В. П. Хожение Даниила (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 6, № 1, л. 17).

¹⁷² Для публикации Второй редакции закономерен выбор В. П. именно минейного списка — рукопись из Царского комплекта ВМЧ. Осознавая важность в истории Второй редакции именно минейных списков, положивших начало новой странице в истории текста этой редакции, мы осуществили публикацию Второй редакции по «старшему» списку из Софийского комплекта ВМЧ — РНБ, Софийское собр., № 1322. См.: «Паломник» — вторая редакция «Хожения» игумена Даниила. С. 160—269. Обоснование выбора списка для издания см.: Федорова И. В. Из литературной истории «Хожения» игумена Даниила. С. 370—372.

¹⁷³ Веневитинов М. А. Путеводитель в Палестину XVI века // ЛЗАК. СПб., 1884. Вып. 7. Отд. 2. С. 1—5.

¹⁷⁴ Единственным изданием памятника остается его публикация, осуществленная В. Щуратом: Щурат В. Перегринация, или Путь до Иерусалима Даниила архимандриты Корсунского з Бѣлой Россіи. В наши дни это издание труднодоступно даже в центральных книжных собраниях России; отрывки его воспроизведены на сайте: <http://litopys.org.ua>.

¹⁷⁵ Адрианова-Перетц В. П. Хожение Даниила (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 6, № 1, л. 2—11).

и перечнем использованных в работе списков, с аннотацией их особенностей.¹⁷⁶ Всего учтено 95 списков Первой и Второй редакций произведения. В самостоятельном разделе перечислены списки «Пересказов и переделок Хождения» (л. 71—83) и списки «Путника иерусалимского» Даниила Корсунского (л. 84—86). В число списков вошли рукописи, как ранее науке хорошо известные, так и выявленные исследовательницей. Очевидно, что структура работы В. П. испытала на себе влияние изданий паломнических текстов в «Православном Палестинском сборнике», и в частности издания «Хождения» игумена Даниила.

Принципиальным отличием работы В. П. Адриановой-Перетц, как уже отмечалось, был отказ от публикации текста редакций сводом. Помимо структурного сходства работу В. П. с изданием М. А. Веневитинова сближает метод исследования. В сохранившуюся в СПФ АРАН рукопись вплетены рабочие материалы В. П. (л. 87—89), представляющие собой сравнительные таблицы заголовков «Хождения» по 14 спискам обеих полнотекстовых редакций и сокращенных текстов, что позволяет говорить о продолжении В. П. макротекстологического исследования памятника, начатого М. А. Веневитиновым.¹⁷⁷ Таким образом, количество глав и их названия остаются доминирующими признаками при характеристике текста «Хождения» и выделении его редакций, а также свидетельством его жизни внутри редакций.

Наблюдения В. П. литературной истории произведения, изложенные во введении к публикации текстов «Хождения», были обнародованы исследовательницей в статье 1961 г., посвященной характеристике украинского перевода «Хождения» игумена Даниила.¹⁷⁸ Это исследование завершило паломническую тему в научной биографии В. П. Адриановой-Перетц, что, на наш взгляд, символично: с этим памятником Варвара Павловна вошла в науку, им же она и окончила свои занятия этой научной темой, открыв при этом новые возможности для последующих исследователей как этого произведения, так и всей восточнославянской паломнической литературы.

В 1955 г. ярославский краевед В. В. Лукьянов приобрел сборник начала XVIII в., в котором читался перевод «Хождения» игумена Даниила на украинский язык (современный шифр — БАН, собр. В. В. Лукьянова, № 79). В отличие от ранее известных украинских списков памятника, отразивших живую речь писцов, в результате чего славяно-русский язык произведения оказался в них лишь слегка окрашен фонетическими и морфологическими украинизмами и полонизмами, но не утратил главного — лексики древнерусского писателя,¹⁷⁹ текст в сборнике В. В. Лукьянова, по мнению исследовательницы, характеризовался «явно выраженным стремлением все изложение писателя XII в. перевести на привычную для украинского читателя XVII в. литературную речь».¹⁸⁰

¹⁷⁶ Там же. С. 17—86.

¹⁷⁷ См.: Веневитинов М. А. Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII в. С. 99—120.

¹⁷⁸ Адрианова-Перетц В. П. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. С. 245—263, 271—287.

¹⁷⁹ Там же. С. 251.

¹⁸⁰ Там же.

Текст Второй редакции памятника на украинский язык переведен полностью, но без заключительной главы «О свете небесном». Переведен оригинал точно и сопровождается пояснениями, раскрывающими содержание рассказа Даниила и приближающими его «к привычным представлениям украинских читателей XVII в.».¹⁸¹ Такая манера перевода, выдержанная на протяжении всего текста памятника, была отмечена исследовательницей как его несомненное достоинство. Для наглядности проделанной украинским книжником работы В. П. сравнила текст не только с переводимой Второй редакцией (для этого был выбран Царский список ВМЧ—ГИМ, Синодальное собр., № 181),¹⁸² но и с украинским списком из собр. А. Петрушевича, № 210 и «Путником иерусалимским» Даниила Корсунского по списку 1695 г. из собр. А. Петрушевича, № 173 (38).¹⁸³

Несмотря на точность передачи текста оригинала украинским переводчиком, его пословное сопоставление со Второй редакцией обнаружило и некоторые отступления. В основном это вставки в текст, затрагивающие фактическую сторону рассказа Даниила, но выполненные корректно и со знанием дела. Эта особенность текста позволила исследовательнице высказать предположение о том, что до работы с «Хождением» Даниила переводчик побывал в Палестине и благодаря этому смог внести в переводимый текст некоторые уточнения.¹⁸⁴ Хотя список украинского перевода датируется началом XVIII в.,¹⁸⁵ его появление в книжной культуре В. П. связывала с предшествующим столетием, когда в украинском обществе, находившемся под влиянием польско-латинской культуры, широкое распространение получило описание Святой земли князя Николая Радзивилла Сиротки на латинском и польском языках. Появление перевода «Хождения» игумена Даниила на литературный украинский язык было призвано, по мнению В. П., противопоставить этому влиянию классический образец национального жанра «хождений».¹⁸⁶

Напомним, что с напряженной атмосферой на Украине и в Белоруссии, сложившейся еще накануне Брестского собора и обострившейся после принятия унии, связывала В. П. и появление в книжной культуре «Путника иерусалимского» Даниила Корсунского.¹⁸⁷ Исследовательница обратила внимание на предисловие и послесловие текста, в которых Даниил, раскрывая свою задачу, писал, что потрудился «в воспоминание истины невежам и хвючимся о православной христианской вере», а также для того, чтобы его читатель стремился «в вере христианской непоколебим быти, но утвержден», поэтому он молится за «истинных сынов церкви святой восточной».¹⁸⁸

¹⁸¹ Там же. С. 252.

¹⁸² Там же. С. 251, 252—261. По мнению Л. С. Измаиловой, в языковом отношении текст Хождения лучше всего передает именно этот список: *Измаилова Л. С.* О древнейшем из списков «Хождения» игумена Даниила // Сборник работ аспирантов кафедр гуманитарных наук Дагестанского гос. ун-та. Махачкала, 1964. С. 203.

¹⁸³ *Адрианова-Перетц В. П.* Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. С. 250—251.

¹⁸⁴ Там же. С. 257, 259.

¹⁸⁵ Там же. С. 246.

¹⁸⁶ Там же. С. 250—251.

¹⁸⁷ *Адрианова-Перетц В. П.* Хождение Даниила (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 6, № 1, л. 10).

¹⁸⁸ Там же.

Этими небольшими, но весьма показательными добавлениями к рассказу XII в. автор конца XVI в., как считала В. П. Адрианова-Перетц, напоминает о той реакции, которую вызвала среди украинско-белорусского населения польско-шляхетская экспансия, заставившая просвещенную часть общества «выступить с пропагандой славяно-русского языка в противовес входившему в моду среди господствующих классов польскому и латинскому». Поэтому, «бережно сохраняя и язык своего славяно-русского оригинала, Даниил Корсунский показал свою близость к этой группе литературных деятелей Украины—Белоруссии XVI—XVII вв.».¹⁸⁹

Если оглянуться на все научное наследие В. П. Адриановой-Перетц 1950—1960-х гг., то очевидной станет связь рассматриваемой статьи с изучением ею в это время различных жанров русской книжности XVII в.¹⁹⁰ Благодаря исследованиям В. П. сама эпоха, по словам Д. С. Лихачева, «непонятая в старом академическом литературоведении»,¹⁹¹ открылась во всем своем многообразии и сложности. Для современных исследователей паломнической литературы статья В. П. Адриановой-Перетц 1961 г. не утратила своего значения не только потому, что Лукьяновский сборник до сих пор остается единственным кодексом, сохранившим украинский перевод древнейшего памятника жанра, который столь кропотливо исследовала и опубликовала В. П., но и потому, что в этой работе исследовательница выстроила всю литературную историю «Хождения» игумена Даниила.

Суммировав весь многолетний опыт изучения этого памятника — как своих предшественников, так и свой, — В. П. внесла коррективы в существовавшую с XIX в. классификацию списков. Напомним, что, по этой классификации, рукописная традиция «Хождения» была представлена четырьмя редакциями, различающимися по формальным признакам.¹⁹² В. П. Адрианова-Перетц, привлекая к исследованию произведения новые списки, пришла к выводу, что все известные науке списки передают две редакции текста «Хождения». Списки Первой и Четвертой редакций, по классификации М. А. Веневитинова, она объединила в Первую редакцию, считая, что случайно пропущенные в ряде списков эпизоды в главе «О дому Уриеве» (с конца рассказа о Марии Египетской до главы «О Овчии купели» включительно) и разговор Даниила с «икономом и ключарем» у Гроба Господня в главе «О свете небесном», прерывающие естественный ход повествования, не дают оснований выделять их в отдельную редакцию.¹⁹³ Списки так называемых Второй и Третьей редакций исследовательница объединила во

¹⁸⁹ Там же, л. 10—11.

¹⁹⁰ См., например, библиографию ее работ этого времени: *Дробленкова Н. Ф.* Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц за 1957—1968 гг. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 15—20.

¹⁹¹ *Лихачев Д. С.* История древней русской литературы в трудах В. П. Адриановой-Перетц. С. 7. Корни такого отношения исследовательницы к этому литературному периоду А. М. Панченко усматривал в том, что литература XVII в. «была одной из любимых тем в Семинарии русской филологии В. Н. Перетца, активной участницей которого была В. П.» (*Панченко А. М.* «Переходный век» в трудах В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 18).

¹⁹² *Веневитинов М. А.* Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст. С. 86—89.

¹⁹³ *Адрианова-Перетц В. П.* Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. С. 248—249.

Вторую редакцию, именуя ее Минейной, так как текст ее получил особое распространение после включения его в Великие Минеи Четии митрополита Макария, вытеснив из литературного обихода с конца XVI столетия Первую редакцию. Выделение М. А. Веневитиновым в отдельную редакцию немногочисленных списков, содержащих сообщение о времени путешествия Даниила («Ходил есми тамо во княжение русское великаго князя Святополка Изяславича а внука Ярослава Володимере Киевскаго»), В. П. не сочла оправданным, так как других отличий между текстами редакций выявлено не было.¹⁹⁴ На наш взгляд, вывод В. П. Адриановой-Перетц о разделении списков памятника на две группы¹⁹⁵ оправдан и может быть принят в качестве рабочей гипотезы при дальнейшем изучении литературной истории «Хождения» игумена Даниила. Однако стоит учитывать, что отличия редакций друг от друга не являются формальными, как считала В. П. Адрианова-Перетц, в чем убеждает пословное сопоставление текстов.¹⁹⁶

Современная наука принимает мнение В. П. и о формировании основных признаков обеих редакций к XV в.¹⁹⁷ Архетип их, согласно исследованию А. В. Поппэ, датируется XIV в.¹⁹⁸ Обнаруженные и изученные нами списки середины XV—начала XVI в. показывают, что в это время в единичных рукописях, передающих текст Первой редакции, встречаются чтения, характерные для Второй редакции, а также уникальные для обеих редакций чтения незначительного объема — от одного слова до фразы.¹⁹⁹ Предполагать дополнительную сверку переписчиками текста Первой редакции с текстом Второй редакции или еще с каким-либо источником оснований нет, поэтому в таких списках мы склонны видеть отражение текста архетипа (насколько полно ими он передан — судить пока трудно) на момент оформления текста обеих редакций памятника, так как в последующее время такого рода чтений в Первой редакции не встречается.

Завершая обзор статьи В. П. Адриановой-Перетц, посвященной изучению украинского перевода «Хождения» игумена Даниила и рукописной традиции памятника, обратим внимание еще на один тезис, выдвинутый исследовательницей. Он затрагивает историю создания текста «Хождения» Трифона Коробейникова, еще одного «трудного» для современной медиевистики памятника. Подчеркивая достоверность рассказа Даниила в разные эпохи, В. П. обратила внимание на его переделки в «путеводитель», распространявшиеся в XVI в., по которым, как она считала, официальные посольства того времени на Восток могли проверять свои сведения. Именно так, по мнению исследовательницы, поступил создатель «Хождения» Трифона Коробейникова, переработавший «Хождение» Василия Позняка и сверивший «данные

¹⁹⁴ Там же. С. 249.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Подробнее об этом см.: Федорова И. В. Из литературной истории «Хождения» игумена Даниила. С. 345—367.

¹⁹⁷ Адрианова-Перетц В. П. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. С. 247.

¹⁹⁸ Poppe A. Soobscenie russkogo palomnika o cerkovnoj organizacii Kipra v nacale XII veka // Ерлетрис тоῦ Κέντρου Ἐπιστημονικῶν Ἑρευνῶν. Δεψκοσία, 1978. Т. 8. S. 57.

¹⁹⁹ Подробнее об этом см.: Федорова И. В. «Хождение» игумена Даниила в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря // Книжные центры Древней Руси : Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 329—335.

описания Позднякова с более обстоятельным рассказом игумена Даниила». ²⁰⁰ Предположение В. П. интересно, ибо в науке уже не раз звучало мнение об ориентировании паломников на описание Даниила и заимствовании его текста, но в отношении истории создания «Хождения» Трифона Коробейникова такое предположение не рассматривалось. ²⁰¹ А это означает, что наблюдения В. П. Адриановой-Перетц над историей паломнических текстов и развитием восточнославянской паломнической литературы еще не раз будут привлекать к себе исследователей этого жанра и стимулировать научную мысль поставленными ею вопросами и высказанными предположениями, обеспечивая тем самым преемственность поколений в науке, о которой так пеклась Варвара Павловна Адрианова-Перетц.

²⁰⁰ Адрианова-Перетц В. П. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. С. 250.

²⁰¹ В литературной истории этого произведения Х. М. Лопарев выделял группу списков Полной редакции с интерполяциями в ее текст заимствований из описаний паломников разного времени, но специально такие списки не изучались (Хождение Трифона Коробейникова. С. XXXVI). От себя можем добавить, что, судя по ряду сборников XVII—XVIII вв., в состав которых входили оба памятника, предпочтение в описании Святой земли отдавали рассказу игумена Даниила, вслед за которым помещалось «Хождение» Трифона Коробейникова. При этом могла переписываться только та часть этого произведения, которая содержала описание Синая и Египта, — как «дополнение» к рассказу паломника XII в., что могло быть отражено и в заголовке: «Выписано из книги Трифана Коробеникова Хождение, понеже в Данилове Хождении странника в писании о томъ не обрѣтется» (РНБ, Соловецкое собр., № 900/1010, л. 107; Соловецкое собр., № 1136/1246, л. 69 об.). Подробнее об этом см.: Федорова И. В. Древнерусские паломнические «хождения» в библиотеке Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси : Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 219—220.